

рева, в которых была освещена научная деятельность Г. В. Плеханова, связанная с разработкой проблем этнографии и фольклористики⁶.

Хотя в работе Института в 1956 г. были достигнуты определенные успехи, тем не менее все еще не ликвидирован ряд существенных недостатков, часть которых отмечалась и в предыдущие годы.

До сих пор не завершена работа над томом «Народы Кавказа». Написание разделов, посвященных народам Армении, Азербайджана и Грузии, взяли на себя соответствующие академии наук, которые этих разделов еще не представили. Необходима более четкая координация планов этнографических учреждений, работающих над общими темами, особенно теперь, когда таких общих объектов становится все больше.

Не только не ликвидирован, но с каждым годом все большим становится разрыв между научно-исследовательским планом и возможностью его реализации в виде печатной продукции. При все расширяющемся объеме работ не только Института этнографии, но и всей Академии наук в целом, издательская база остается в прежнем состоянии. В результате ряд уже законченных работ затягивается изданием на несколько лет.

В области экспедиционных исследований необходимо отметить все более растущий разрыв между объемом и характером этих работ и их материальной базой. Комплексные исследования, которые становятся одной из важнейших форм экспедиционной работы, требуют более высокого технического оснащения и соответствующих ассигнований. Однако на протяжении ряда последних лет техническое оборудование экспедиций остается все на том же крайне недостаточном уровне.

*
*
*

В 1957 г. советский народ с огромным подъемом отмечает 40-летнюю годовщину Октябрьской революции. Во всех областях своей деятельности он встречает эту годовщину новыми трудовыми победами. Большие задачи стоят и перед советскими этнографами. Быстрее выправить положение на отстающих участках работы, усилить творческую разработку наиболее актуальных разделов этнографической науки — наша неотложная задача.

И. А. Золотаревская

СОВЕЩАНИЕ ПО НАРТОВСКОМУ ЭПОСУ НАРОДОВ КAVKAZA

Совещание, посвященное изучению нартского эпоса, было организовано Институтом мировой литературы совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом в г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР. В совещании, происходившем 16—20 октября 1956 г., приняли участие фольклористы, литературоведы, этнографы из разных республик нашей страны. С докладами и в прениях, помимо североосетинских ученых, выступали научные работники, приехавшие из Москвы, Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана, Абхазии, Адыгеи, Кабарды, Черкесии, Юго-Осетии, Молдавии, Карелии, Узбекистана (всего на совещании было около 30 человек из перечисленных республик).

На совещании было прочитано 12 докладов и сообщений. Совещание открыл секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Е. Кабалоев. Он приветствовал гостей, прибывших на совещание из близких и отдаленных от Осетии мест Советского Союза, и призвал его участников возможно полнее в товарищеской обстановке обменяться мнениями по основным проблемам нартского эпоса, подвести некоторые итоги и обсудить задачи дальнейшей, более активной работы по изучению, систематизации и публикации нартских сказаний.

С докладом по общим вопросам теории эпоса выступил В. И. Чичеров (Ин-т мировой литературы АН СССР). Он отметил, что нартский эпос, являющийся выдающимся творением народов Северного Кавказа и Закавказья, дает ценнейший материал для разработки вопросов теории эпоса в целом, его генезиса, форм, характерных для различных этапов развития культуры, национального своеобразия эпических сказаний. В докладе указывалось, что работа исследователей-нартоведов, освещающая специальные вопросы сказаний о нартах, должна явиться вкладом в теорию ранних форм эпоса в целом, ибо нартский эпос — один из немногих циклов эпических сказаний, сложившихся еще в доклассовом обществе и дошедших до нашего времени в устном живом бытовании.

В докладе В. И. Абаева (Ин-т языкознания АН СССР) «Проблемы нартского эпоса» говорилось о своеобразии этого эпоса, заключающемся в его многонациональном характере. Нартский эпос богато представлен у осетин, у всех алжгейских народов, у абхазцев, фрагментарно также у сванов, у некоторых грузинских племен, у чеченцев и ингушей, у дагестанцев, причем у каждого народа сказания о нартах имеют черты национальной самобытности и своеобразия.

⁶ Доклады В. Б. Луцкого, В. Е. Гусева и С. В. Иванова опубликованы в журнале «Сов. этнография», 1957, № 1; доклад С. Р. Смирнова — в № 2 того же года.

Богатейший материал по нартовскому эпосу Северного Кавказа, собранный и опубликованный за годы Советской власти, требует большого и всестороннего научного исследования. По мнению В. И. Аббаева, изучение эпоса должно осуществляться в сравнительно-историческом плане. Нужно выявить и истолковать как общее, что сближает и объединяет все национальные варианты нартовского эпоса, так и то особенное, что отличает каждый национальный вариант от других. Для выполнения этого требуется более полная фиксация и систематизация материала у всех народов, а также глубокое всестороннее изучение всех национальных вариантов с точки зрения их содержания, композиции, идей, образов и мотивов, художественно-изобразительных средств, поэтики.

Обстоятельный анализ нартовского эпоса народов Северного Кавказа был дан в весьма содержательном докладе — «Место нартовских сказаний в истории эпоса». В этом докладе Е. М. Мелетинского (Ин-т мировой литературы АН СССР) рассматривались вопросы, связанные с местом формирования и развития нартовского эпоса народов Северного Кавказа, отражение в нем эпохи первобытного общества. В докладе приведен сравнительный материал по эпическому творчеству других народов мира.

Проблеме национального своеобразия нартовских сказаний у разных народов были посвящены доклады Г. З. Калоева (Северо-Осетинский научно-исследовательский ин-т) «Нартовский эпос осетин», Ш. Д. Инал-Ипа (Абхазский научно-исследовательский ин-т) «Нартовский эпос абхазцев», У. Б. Долгат (Ин-т мировой литературы АН СССР) «К вопросу о нартовском эпосе у народов Дагестана» и выступление И. В. Трескова (Кабардинский научно-исследовательский ин-т) о кабардинской версии нартовских сказаний.

Наиболее яркое отражение в осетинских нартовских сказаниях нашел родовой строй, пережиточно сохранявшийся в быту осетин-горцев еще в прошлом столетии. Группируясь вокруг главных героев, осетинские нартовские сказания распределяются по шести циклам. Кроме того, имеется большое количество отдельных сказаний с самостоятельными, но второстепенными героями. В докладе Г. З. Калоева был приведен большой материал, характеризующий отражение в эпосе хозяйственной жизни осетин, их материальной и духовной культуры.

Богатейший материал абхазских сказаний о нартах, собранный в послевоенные годы, показывает, что нартовский эпос имеет глубокие корни и широкое распространение в Абхазии. Изучение эпоса дает возможность осветить многие культурно-исторические и этнографические вопросы, связанные с населением этого района. В докладе Ш. Д. Инал-Ипа подробно охарактеризовано отражение в сказаниях о нартах хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры абхазского народа в отдаленном прошлом. Приведенный докладчиком материал показывает большое сюжетное сходство нартовских сказаний абхазцев и адыгейских народов.

В докладе У. Б. Долгат рассматривался вопрос о существовании нартовского эпоса на территории Дагестана. На основании большого фактического материала автор пришел к выводу, что нартовские сказания распространены только у тех народов Дагестана, которые истари живут в близком соседстве с горами Северного Кавказа. Так, у плоскостных кумыков есть песни о героях-нартах, имена которых в большинстве случаев утрачены. По мере углубления в нагорную часть Дагестана нартовский эпос исчезает.

С большим интересом был заслушан доклад старейшего советского кавказоведа Л. П. Семенова (г. Орджоникидзе) «Осетинский нартовский эпос и памятники материальной культуры». В докладе приведен новый материал, характеризующий «нартовские» памятники, нашедшие широкое распространение на территории Северной Осетии, а также в ряде мест Кабардинской и Чечено-Ингушской АССР. По народной традиции «нартовские» памятники относятся к кобанской (I в. до н. э.) и аланской (начало I—XII в.) культурам, а также к позднейшей культуре осетин (XV—XVII вв.); формирование эпоса завершилось ко времени нашествия монголов, но отдельные подробности включались в эпос и позже XIV в. По мнению Л. П. Семенова, археологические находки, приуроченные, по народным поверьям, к нартовским сказаниям, в известной степени могут способствовать разрешению вопроса о происхождении нартовского эпоса, а также указывают на роль горной географической среды в возникновении и развитии древнейших эпизодов этого эпоса.

Л. П. Семенов выступил и с другим докладом — о месте нартовских сказаний в кругу мировых эпических сказаний. Доклад содержал большой сравнительный материал.

В докладе Х. Н. Ардашенова (Северо-Осетинский научно-исследовательский ин-т) «Нартовский эпос и осетинская литература» были подробно рассмотрены художественные особенности эпоса и поставлен вопрос об использовании его в осетинской художественной литературе. Х. Н. Ардашенов отметил, что осетинский нартовский эпос имеет более 100 сюжетов, складается из нескольких циклов; каждый из них составляет как бы единое сюжетное построение, внутри которого имеется много отдельных частных сюжетов. Художественное богатство эпоса находило и находит широкое отражение в творчестве писателей, художников и композиторов Осетии. Особенно умело пользовался устным нартовским творчеством Коста Хетагуров, создавший свои лучшие поэтические произведения именно по мотивам нартовского эпоса.

Истории записи и публикации нартовского эпоса был посвящен доклад Б. А. Ка-

лосева (Институт этнографии АН СССР). Докладчик выделил три этапа в изучении нартовского эпоса: первый охватывает первую половину XIX в., второй — период с 60-х годов XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции, третий датируется советской эпохой. Работа по сбору и публикации нартовских сказаний с разной степенью интенсивности проводилась почти у всех народов Северного Кавказа как до революции, так особенно в годы советской власти. Впервые нартовский эпос был открыт в начале XIX в. у осетин, в 40-е годы XIX в. — у кабардинцев. Однако кабардинские нартовские тексты стали появляться в печати раньше других — в 60-х годах того же века. История собирания и исследования нартовского эпоса показывает, что он наиболее тщательно изучался у осетин и кабардинцев. Однако предстоит еще большая работа по сбору, публикации и изучению этого памятника у всех народов Кавказа. Всестороннее изучение нартовского эпоса является одной из серьезных задач, стоящих перед фольклористами, этнографами, историками. Только общими усилиями могут быть разрешены наиболее трудные проблемы, связанные с изучением этого выдающегося памятника устного творчества народов Северного Кавказа.

Прения открылись выступлением писателя Д. Г. Костанова (Майкоп), кончившегося методики записи адыгейского эпоса. По мнению Д. Г. Костанова, эпос адыгейцев, черкесов и кабардинцев един по своему происхождению и характеру, но национально различен в своих «внутриплеменных» вариантах. Поэтому надо одобрить инициативу работников Кабардинского научно-исследовательского института издать этот эпос в одной книге. Однако им следует бросить упрек в том, что свой «свод» они назвали эпосом не адыгейским, а кабардинским. Кроме того, Д. Г. Костанов указал, как на существенный недостаток этого издания, на слишком вольный и порой тенденциозный перевод, когда одно слово заменяется другим (скажем, вместо «земля» пишется «родина», что ведет к серьезному искажению смысла). Тов. Босач (Молдавский филиал АН СССР) остановился на параллелях нартовского эпоса в фольклоре молдаван и говорил о необходимости совместной разработки различных теоретических проблем. Затем выступил М. И. Афзалов (АН Узбекской ССР), отметивший, что фольклористы Узбекистана проявляют большой интерес к кавказскому эпосу, так как вопросы методики изучения эпоса едины. М. И. Афзалов сообщил также о проведенном в Ташкенте совещании по эпосу «Алпамыш».

Выступление С. Ш. Гаджиевой (Дагестанский женский пединститут) было посвящено характеристике бытования некоторых сюжетов нартовского эпоса у кумыков. Е. Б. Вирсаладзе (Ин-т грузинской литературы АН Грузинской ССР) в своем выступлении отметила, что многогранность нартовского эпоса вынуждает исследователя, работающего над ним, поднимать весь комплекс проблем, связанных с исследованием эпоса вообще. Е. Б. Вирсаладзе рассказала о собирании и изучении нартовского эпоса в Грузии, о переводе большого количества осетинских нартовских сказаний на грузинский язык, о том большом интересе, который проявляют фольклористы, литераторы и многие другие исследователи Грузии к нартовскому эпосу. Представительница Черкесского научно-исследовательского ин-та Е. П. Алексеева посвятила свое выступление вопросу о генезисе нартовского эпоса по данным археологии. По ее мнению, нартовский эпос появился в период патриархата, в частности «военной демократии», сохранявшей у многих горцев Кавказа в сильной форме пережитки матриархата.

В. Я. Евсеев (Карельский филиал АН СССР) в своем выступлении остановился на характеристике параллелей между нартовским эпосом и карело-финским эпосом, причем он проводил аналогию не только со сводом «Калевала», но и с отдельными вариантами, почти не опубликованными на русском языке.

Аспирант Кабардинского научно-исследовательского ин-та тов. Таов отметил, что одной из главных задач в изучении эпоса является определение времени и места возникновения нартовских сказаний, путей заимствования их одними народами Кавказа у других. По словам тов. Таова, эта проблема стоит в центре внимания научной общественности Кабарды.

Выступление В. А. Газзаева (г. Сталинир) было посвящено проблеме расшифровки термина «нарты». По его мнению, аланы давали это имя наиболее выдающимся людям; песни складывались сначала вокруг отдельных героев, которые назывались этим именем, а потом уже этот термин был перенесен на весь народ. А. М. Назиньян (АН Армянской ССР) поддержал основные положения доклада В. И. Абаева и отметил некоторые отдельные аналогии между нартовским эпосом и армянским эпосом о Давиде Сасунском. Особенно подробно он остановился на известном сказании об Артагеше и Сатаник, приводимом в книге Моисея Хоренского. О поэтике осетинских героических сказаний рассказала З. В. Абаева (аспирантка Ин-та мировой литературы АН СССР). Выступление А. А. Хадарцевой (Осетинский научно-исследовательский ин-т) было посвящено вопросам издания свода осетинского нартовского эпоса, в который войдет около 100 сказаний, в том числе ряд неопубликованных сказаний. А. А. Хадарцева высказалась за строго объективное научное издание нартовского эпоса со значительным научным аппаратом. Директор Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та В. С. Тотоев в своем выступлении подробно остановился на истории собирания нартовского эпоса в Осетии. Только в 1941 г. было записано 325 сказаний от 155 сказителей (57—58 авторских листов). В период Великой Отечественной войны и после нее были произведены новые записи; в 1956 г. было полу-

чено из Юго-Осетии и из некоторых мест Северной Осетии 28 авторских листов записей. В общей сложности новые материалы составляют около 150 авторских листов.

В своем заключительном слове В. И. Абаев отметил необходимость сбора и публикации не только нартовских сказаний, но и всех видов фольклора народов Кавказа. Он подробно остановился на проблеме академического издания нартовского эпоса. Дав очень высокую оценку докладу Е. М. Мелетинского, он вместе с тем возражал ему по вопросу о роли сарматов в эпосе (матриархат — универсальная категория, которую нет необходимости специально связывать с сарматами). Е. М. Мелетинский в своем заключительном слове сослался на факт особого развития матриархальных институтов у саков, массагетов и сарматов, у которых они сохранялись порой не только до периода военной демократии, но и до государственности. У. Б. Долгат отметила, что бытование нартовского эпоса в Дагестане преимущественно в форме сказки не говорит в пользу оригинального происхождения нартовских сказаний в Дагестане.

И. В. Тресков в заключительном слове вновь поставил вопрос об особенностях нартовского эпоса у разных народов и о генезисе его. Им был сделан и ряд дополнительных замечаний о собирании и изучении нартовских сказаний в Кабарде.

Итоги совещания подвел В. И. Чичеров, отметивший, что наряду с конкретными вопросами изучения эпоса народов Кавказа были подняты и вопросы общей теории в истории эпоса. В. И. Чичеров остановился далее на некоторых специфических проблемах героического эпоса: проблема соотношения стиха и прозы в эпосе, проблема исторического развития формы, проблема историко-сравнительного метода в фольклористике и др. Он поставил задачу подготовки монографических монументальных исследований по эпосу народов Кавказа и академического строго научного издания нартовского эпоса.

В резолюции, принятой совещанием по нартовскому эпосу, отмечалось, что совещание открывает новый этап работы. Резолюция совещания осудила факты идеализации и модернизации нартовского эпоса, нигилистического отношения к нартовским сказаниям. Она отметила недостатки некоторых изданий нартовского эпоса, дающих не подлинный, а в какой-то мере измененный редактированием и художественным переводом текст. Помимо того, резолюция совещания наметила основные задачи, стоящие перед фольклористами, историками и этнографами в области изучения и популяризации нартовского эпоса.

Б. А. Калоев

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ЭПОСУ «АЛПАМЫШ»

В течение пяти дней, 20—25 сентября 1956 г., в столице Узбекистана Ташкенте проходило региональное совещание по эпосу «Алпамыш». Оно было создано Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР. В нем принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии, Грузии, Татарии, Башкирии, Кара-Калпакии, Северной Осетии, Сибири, Хакасии и Алтая. Совещание, охватившее широкий круг специалистов-литературоведов и поднявшее ряд крупных общетеоретических проблем по изучению народного эпоса, вышло далеко за рамки регионального. На нем было заслушано 16 докладов и сообщений, в которых затрагивались проблемы происхождения и национального своеобразия эпоса «Алпамыш», его поэтических особенностей и языка.

Первый докладчик, член-корр. АН УзССР А. К. Боровков (Ленинград), остановившись на истории появления героической поэмы об Алпамыше и исследованиях этой поэмы, указал на основные ее мотивы. Он отметил, что сюжет поэмы во всех случаях весьма стойкий, последовательность изложения эпизодов совпадает в разных версиях. Вместе с этим привлекает внимание в разных версиях изменение старых эпизодов и появление новых, смешение роли разных эпических героев при развитии сюжета. По его мнению, появление и распространение поэмы об Алпамыше можно датировать в ее «кипчакско-тюркской» редакции XII—XIV вв. в пределах Дешти-Кипчака.

Выступивший затем Х. Т. Зарифов (Узбекистан) утверждал, что «Алпамыш» был эпосом племени конгратов и сложился в низовьях Сыр-Дарьи, в Приаралье, до того как завершилось сложение узбекской, казахской и каракалпакской народностей. Начало оформления этого эпоса, по его предположению, происходило в условиях патриархально-родовых отношений. Привлекая богатый материал, используя многочисленные записи, сделанные в Узбекистане за советский период, он убедительно показал глубокую народность «Алпамыша» как по форме, так и по содержанию.

В. М. Жирмунский (Ленинград) посвятил свой доклад вопросам генезиса и истории эпоса «Алпамыш». Он считает, что это произведение в его трех национальных редакциях (узбекской, казахской и каракалпакской) имеет древнюю народную основу, лишь поверхностно перекрытую позднейшими наслоениями феодальной эпохи. Как утверждал В. М. Жирмунский, эпическое сказание об Алпамыше в своей древней-